

ресовался творческими планами, предлагал опубликоваться в сибирском альманахе «Байкальские воды», прочитал весьма приличное (без иронии) стихотворение и потребовал от меня взаимности. Я мучительно вспоминал хорошие стихи, но в голову лезли почему-то Чуковский и Маршак. В конце концов я прочёл отрывок из «Натюрморта» Бродского. Бродский писателю Шаталову остро не понравился, и он немедленно запил оскомину коньяком.

Как ни странно, стюарды охотно продавали иркутянину спиртное, хотя и видели, к чему это приводит: Шаталов балагурил почти на весь салон, и ему уже начали делать замечания. Незадолго до посадки он начал приставать к соседу-французу на предмет почитать что-нибудь из Вийона. Я очень боялся международного скандала, поэтому постоянно говорил французам «пардон муа», пытаюсь оторвать от него писателя. Эта борьба нанайских мальчиков иркутянину быстро наскучила, и он пошёл гулять по самолёту. Он быстро поссорился со стюардессами и стюардом, прочувствованно камлал на табуированном русском, и эти заклинания относились буквально ко всем пассажирам, особенно ко мне.

Однако всё хорошее рано или поздно заканчивается. Аэробус приземлился в аэропорту Шарля де Голля, и тут выяснилось, что экипаж прикипел к писателю Шаталову и не хочет отпускать его в город, так как ажаны не поймут всей красоты душевных глубин сибирского почти классика. Делегация озадачилась: с одной стороны, писатель Шаталов — наш человек. Ну, бывает, перебрал чуток, но он же с нами! С другой стороны, связываться с ним никто не хотел. Писатель Шаталов хотел свободы и уважения, чего одновременно в своём теперешнем состоянии получить ну никак не мог. В конце концов двое самых здоровых писателей проявили ангельское терпение и потащили иркутянина на себе, за что я был им очень благодарен.

Однако не прошло и двадцати минут странствий по терминалу в поисках паспортного контроля, как писателя Шаталова охватили потные валы вдохновения, и он вновь начал самозабвенно камлать на старорусском. Его конво-

иры нехотя отступили — магия! Я, как кузнец, оказался устойчив к сглазу и порче, принял эстафету и дальше потащил иркутянина сам, хотя писатели отговаривали брать на себя такую ответственность.

Спонтанный выплеск магии стоил писателю Шаталову загранпаспорта. Не успела делегация добраться до паспортного контроля, как выяснилось, что иркутянин где-то потерял документ. Российский паспорт был в кармане куртки, а загранпаспорт с посадочным талоном исчез. Делегация заволновалась, и даже я почувствовал себя виноватым. Однако бог хранит пьяниц: служащий аэропорта нагнал нас и вручил утерянное. Контроль был пройден.

Ещё минут пятнадцать мы ожидали багаж. Шаталов долго не мог найти свою дорожную сумку (ещё бы, ведь летел он с чемоданом). Он опять начал камлать, древняя магия помогла и тут, но, видимо, на этом запас маны исчерпался, и через пять минут стремительного галопа к электричке писатель скоростно потерялся.

Его ждали у выхода минут пятнадцать (потому что потерялись ещё пожилые филологи), но спустя определённое количество времени решили, что филологов кто-то уже встретил, а иркутского классика спасёт если не бог, то хотя бы служащие аэропорта. Координаты гостиницы и телефон координатора у него имелись, и все решили, что Шаталов найдётся через несколько часов протрезвевшим и притихшим.

Но он так и не нашёлся. Время от времени все вспоминали о несчастном русском писателе, звонили в консульство и в полицию, но о нём не знали ни там, ни там.

Он улетел, решили все. Милый... милый...

Спустя четыре дня двухсотлетие Голя подошло к концу. Исходив напоследок вдоль Сены все ноги, я забрал из гостиницы свои пожитки и поехал в аэропорт. Как и всякий провинциал, я боялся опоздать, поэтому и приехал немного раньше, чем того требуют приличия. Побродил по залу ожидания, поглазел на суетящихся людей, которые вылетали то в Касабланку, то в Рим, то в Лондон. В этот момент

